

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. МЕТОД АНАЛОГИЙ

Недавно на ресурсах СДС была опубликована статья активиста Союза демократических социалистов (движение «Март») левого социал-демократа, декларирующего марксистскую методологию, Ивана Орлова, являющаяся ответом на статью украинского левого социал-демократа народнической ориентации Марлена Инсарова по поводу событий 2013 в Украине и дальнейших перспектив развития революции.

Статья, судя по всему, выражает не индивидуальную точку зрения тов. Орлова, а позицию «Марта» в целом. Я не заручался голосованием своих товарищей по «ЛевСД», но в целом мои взгляды соответствуют нашим позициям, выраженным в манифесте, программе и заявлению в поддержку Майдана от декабря 2013 года. В статье И. Орлова затронуты две крайне важные темы: одна тактическая, связанная с оценкой процессов, происходящих сейчас в странах в момент перехода к политической демократии, ей и посвящена данная статья; другая стратегическая, принципиальная в целом, как очередная попытка ревизии основных положений марксизма, связанная с вопросом собственности.

В контексте второго вопроса, я собираюсь посвятить ему отдельную статью, также укладывающуюся в рамки наших программных положений. Но рассматривая вопрос с ортодоксально марксистской позиции, соответствующей позиции фракции левых меньшевиков, в которой я состою.

М. Инсаров, насколько я понимаю, как и я, видит в Украинской революции часть общего буржуазно-демократического процесса, исходя из этого, он проводит параллели с Французской, Российской и в целом буржуазно-демократическими революциями прошлого. И. Орлов считает это анахронизмом в виду изменившихся условий. Прежде всего, в виду отсутствия феодализма и крестьянского большинства, ограниченного в правах и пытающегося избавиться от этих ограничений.

Метод аналогий, вообще говоря, мой любимый. Им пользовались различные исследователи, начиная с Т.Н. Грановского, для которого он был одним из основных, и, заканчивая собственно Карлом Марксом, для которого он был достаточно важен. Кстати говоря, Маркс проводил параллели между английской и французской революциями, хотя прекрасно понимал разницу между буржуазией в Англии XVII в., не имевшей ни экономической, ни политической власти, и Францией конца XVIII, когда крупная буржуазия уже получила основательный кусок экономической власти, но не получила еще политической. Также он проводит параллель между революцией 1848 и 1789-94 гг. в «18 брюмера Луи Бонапарта». Хотя и тут условия совсем различны. Во Франции 1848 г. никакого феодализма давно нет и в помине. Что, Маркс не обращал внимания на анахронизмы и разницу условий? Нет, конечно, все его труды говорят об анализе именно конкретных условий. С чем же это связано? С двумя вещами:

1). Буржуазно-демократическая революция направлена не только против феодалов, но и против бюрократического государства. Об этом Маркс писал во всех своих основных работах, посвященных революциям. Таким образом, даже в том случае, когда буржуазия не испытывает прессинга со стороны феодалов, она испытывает его со стороны бюрократии. Это, кстати говоря, неплохо рассмотрел еще один публицист лево-народнической, скорее, ориентации Алексей Цветков, в своем комментарии на книгу американского леволиберального политолога Джина Шарпа «От диктатуры к демократии». Кстати говоря, он рассматривал этот вопрос именно в отношении Второй украинской революции 2004 (первой я считаю 1917-1922), которая собственно и произвела переход от бюрократическо-буржуазной диктатуры к буржуазной демократии, которая, как правильно замечает Иван Орлов, ВСЕГДА является по факту олигархией. Третья революция была удерживающей от Термидора. Удачно, не в пример 1993 году у нас. Опять аналогия. И опять, на мой взгляд, достаточно очевидная. Но этот вопрос я сейчас подробно рассматривать не буду, я уже писал и говорил на эту тему достаточно много на разных площадках.

2). Помимо важных отличий, связанных с конкретными экономическими интересами, требованиями, лозунгами из них исходящими, есть не менее важные общие вещи. Они есть во всей ис-

тории классового общества, поэтому не так смешны отсылки к Библии во время английской революции или к античности во время Французской. Но особенно они очевидны, когда человечество вступает в эпоху капитализма. К концу XVIII в. окончательно оформляются основные группы буржуазии, как по сущностной природе (мелкая и крупная), так и по уровню размаха (крупная, полукрупная, средняя, в середине XIX в. добавится еще монополистическая, а в XX в. – ТНК и МНК), так и по направленности производственной деятельности (промышленная, торговая, ссудная, плюс сочетания промышленная + ссудная = финансовая, торгово-промышленная и т.д.). Появляются партии, которые выражают интересы этих групп. Поскольку по мере развития капитализма интересы групп меняются, меняется и программа партий. Поэтому появляются течения типа бонапартизма, неоконсерватизма, неолиберализма, либертарианства, социального консерватизма, ну и, конечно, фашизма и сталинизма – как наиболее законченных форм капиталистической идеологии, в которых происходит возвращение к жесткой бюрократической диктатуре, но в новых условиях и в большей степени. И эти силы, в общем-то, никуда не деваются, они просто становятся сильнее или слабее в зависимости от капиталистического цикла и места страны в международном разделении труда.

В этом смысле мы вполне можем провести параллель, например, между конституционалистами и октябристами, жирондистами и правыми кадетами, монтаньярами и левыми кадетами и трудовиками. В этом не будет ни грамма реконструкции, а некоторое необходимое обобщение. Большая часть революций на постсоветском пространстве от Второй литовской 1990 до Второй кыргызстанской 2008 и Третьей армянской, начавшейся в 2010 и продолжающейся в вяло текущем режиме по настоящий момент, носила смешанный идеологический характер. Но уж где-где, а в Украине революция была просто иллюстрацией к кондовому совдеповскому учебнику по истмату. Основная сила – средний класс, что, в переводе с терминологии буржуазной на терминологию марксистскую, средние слои населения: средняя и мелкая буржуазия, рабочая аристократия. То, про что тот же Инсаров правильно сказал: мало бомжей, мало олигархов – выражение, может, не марксистское, но достаточно образное. Требования также абсолютно классические, причём, если в Грузии и Молдове преобладали политические требования, плюс в Грузии звучала борьба с коррупцией, носившая абстрактный характер, то в Украине помимо евроинтеграции, основными были тренды мелкой и средней буржуазии, требующие нормальных условий ведения хозяйствования. От кого, если нет феодализма? Все от тех же бюрократов. Бюрократия, являвшаяся в советской Украине государственной буржуазией, в Украине постсоветской приобрела многие черты феодального сословия. Это не значит, что я согласен с тем же Цветковым, что в России или Украине неофеодализм, в обоих случаях мы имеем государственно-монополистический капитализм, но так как Россия – полупериферия, а Украина – периферия, то мы видим кучу элементов, присущих вроде бы многократно умершим и похороненным формациям.

Интересный момент, на котором хочется остановиться: украинское крестьянство. По данным Укрстата доля сельского населения – примерно 31,3% на 2014. При этом формально доля населения, занятая сельском хозяйстве, действительно ничтожна, по данным на 2013 – 5, 6 %. Известно, что в Украине из всех постсоветских стран сельское хозяйство находится в самом лучшем состоянии, лучше даже, чем в Беларуси (где оно тоже неплохо развивается). И аграрный сектор там играет одну из ключевых ролей. Подобно промышленному пролетариату в 1917, который составлял 6 %, но играл ключевую роль в экономики России, как хорошо показал Ленин в работе «Развитие капитализма в России». То есть это не просто население, *проживающее* в сельской местности, *бухающее* и *гоняющее* балду, это активное работающее население. Хозяева: середняки, зажиточные, кулаки, т. е. опять же мелкая и средняя буржуазия. Но ещё одна проблема состоит в том, что на самом деле процент людей занятых в сельском хозяйстве значительно выше. Потому что люди, которые заняты в промышленном производстве, в случае кризиса, а то и просто смены сезона (что обычно для прекариата как особой части пролетариата), едут к себе домой копать картошку и доить коров. У нас тоже есть явления, когда люди, работая на производстве, живут со своего огорода (как показал кризис в Пикалёво несколько лет назад), но сельское хозяйство развито сильно хуже, большая часть деревень мёртвая или полумёртвая, кроме юга. В Украине ситуация совсем другая.

Там возможно не только выживать, но и жить с участка. И процент людей, живущих со своего хозяйства, скорее всего, значительно превышает эти 5,6%. Помимо этого, население Украины неравномерно. Самой низкой плотностью отличается Черниговщина – 42,3 лица на 1 км². Сельское население превышает городское в Винницкой, Закарпатской, Ивано-Франковской, Черновицкой, Ровенской и Тернопольской областях. В других западноукраинских областях соотношение колеблется. Но из перечисленных имел место значительный приток на Майдан. А Винницкая область наиболее населённая из всех областей Украины. По данным наблюдателей самых разных убеждений, много людей приезжало именно из сельских районов. Также чисто эмпирически видно, что все деревни в Украине живые.

Это не субъективное ощущение и не махизм, это вполне массовые наблюдения. Я даже не уверен, что есть хотя бы какой-то процент людей, у которых от реального путешествия по украинским сельским районам другие ощущения. И, скорее всего, реально работающее в сельском хозяйстве население находится где-то между этими 5-6 и 31-32%. Сельский пролетариат пока в сторону, мелкая и средняя буржуазия села испытывает примерно те же проблемы, что и городские средние слои. Это произвол бюрократии, косвенные налоги, коррупция, отсутствие социальной поддержки, кредитов, нормальных закупок, конкуренция с крупным производством, аффилированным с государством, слабая охрана прав мелкой собственности. Есть и особенности, они состоят в лендлордах из бывших директоров колхозов, возможности отъема земли, мелких феодальных «князьках». Проблемы похожи на проблемы России, но в России крестьянство, помимо юга, уже практически ликвидировано в результате контрреформ, а в Украине даже при сокращении сельского населения в начале XXI в. с 34 до 31% доля крестьянства и в экономике, и в жизни достаточно сильная.

Из этого выходит и то, что средние слои города и деревни выдвигают мелкобуржуазные либо националистические, либо леволиберальные требования. То есть противостояние олигархии и среднего класса (опять буржуазная терминология) напоминает Латинскую Америку XIX в. Кстати, борьба несколько олигархических кланов тоже напоминают какую-нибудь Боливию, когда за консерваторами стояло серебро, а за либералами олово. Различные каудильо выражали интересы разных групп крупной буржуазии и олигархии, иногда проскакивал какой-нибудь популист социал-консервативного или социал-либерального толка. Я не хочу сказать, что ситуация не изменилась. Между Украиной в 1917, когда было 90 % открытых крестьян, которые занимались только крестьянским трудом, и из которых царская и советская статистики вычленили кулаков, зажиточных, середняков и батраков (царская их так не называла, но ранжировала «хуторян» и т.д.), – и нынешней Украиной, в которой мы имеем скрытое крестьянство, открытого 5% (при этом непонятно, сколько людей работает «на дядю», а сколько на себя), а сколько ещё хоронится за Карпатами, – дистанция огромного размера. Ситуация изменилась. Но сельская мелкая буржуазия продолжает играть важную роль в революционном процессе, таская каштаны из огня не для себя, как это часто бывает.

Собственно партийно-политическая система тоже вполне соответствует высоким стандартам переходного периода. «Оппозиционный блок» выражает интересы бюрократического капитала, свергнутого в результате двух революций, но далеко не потерявшего экономической власти. В современных реалиях это совмещение ельцинского и путинского капитализма, в реалиях 1917 этот блок можно сравнить с бюрократическим крылом Союза 17 Октября (Красовский) и даже с правым крылом условной торгово-промышленной «фракции» (Родзянко). Если сравнивать с французскими революциями, то это легитимизм и бонапартизм пополам. Несмотря на социальный популизм, реальная экономическая политика их представителей не сильно отличается от политики «Народного фронта». «Народный фронт» выражает интересы ссудного капитала, ориентирован на МВФ и международные банковские организации. Организация чисто неоконсервативного характера. Почему мы, собственно, не можем провести параллель с группой Родзянко? Социальная линия примерно та же. Во Французской революции эту нишу занимает мирабоистская часть фейянов.

Блок Петра Порошенко – это союз организаций, представляющих собой крупный торгово-промышленный капитал, национального социал-консервативного толка. В реальности он часто склоняется в сторону экономического либерализма. Это такие левые октябристы от Гучкова до отколовшейся «Партии мирного обновления».

Средние слои выражает демократическая коалиция. «Самопомощь» – правые кадеты, средняя буржуазия, мелкий торгово-промышленный капитал, жирондисты, «Батьківщина» – левые кадеты, мелкая буржуазия, монтаньяры, «Радикальная партия» – умеренная часть черносотенцев типа Шульгина, мелкая и средняя буржуазия, якобинцы. Вообще я согласен с Инсаровым и В.В. Платоненко, что украинские националисты и даже нацисты представляют собой радикальную часть революции в плане многих социально-политических лозунгов. Но собственно я в этом не вижу ничего, кроме доказательства известного тезиса Владимира Сиротина: буржуазный революционер последовательный в своей буржуазности (но не в своем демократизме, разумеется) – это фашист. То, что Тимошенко – «газовая принцесса» не важно: Вильсон, Рузвельт и Кеннеди, будучи левыми либералами, тоже были из семей крупных капиталистов. Классовое бытие хотя и определяет сознание, но бывает, что человек в какой-то ситуации либо сочтет для себя выгодной, либо правильной линию другого класса. В данном случае я сужу по ее экономической политике в период недолго премьерства, также как и по программным позициям партии.

Для чего я это все писал, собственно говоря? Вовсе не ради крутых параллелей, а для того, для чего, полагаю, это делал и Инсаров: чтобы понять, как развивать революцию дальше. Для меня, очевидно, что трудовая демократия – мелкобуржуазная иллюзия, такая же, как шведская модель социализма, но и та и другая действительно могут быть переходным этапом к социализму (сознательно переходным, ведь государственный капитализм – объективно тоже переход). Тов. Орлов совершенно правильно пишет, что демократия может быть только классовой.

Но, тем не менее, классовая демократия принципиально отличается от других форм классового господства. Она предоставляет возможность, как минимум, разным слоям класса – а в итоге и другим классам – отстаивать и согласовывать свои интересы в представительных органах. На уровне, разумеется, не покушающемся на власть правящего класса. Именно поэтому режим в России далёк от демократии. У нас не класс выбирает с помощью представительной системы, кому проводить линию всех его слоев, а проводит свою линию группировка во власти, которая выражает интересы силового блока и аффилированной с ней буржуазией.

Формальный парламент был и при Наполеоне III, но вряд ли кто-то рискнет назвать это демократией. Этот вопрос подробно рассмотрен в статье Эммануила Гольдштейна «Почему в нашей стране диктатура и фарсовый характер их выборов» в одном из номеров газеты «Общественный резонанс». Этому вопросу посвящён и целый ряд статей и выступлений В.И. Сиротина. Разумеется, есть и внеклассовые признаки демократии – такие как свобода слова, собраний, совести, печати, которые при этом, понятное дело, наполняются конкретным классовым содержанием.

Я считаю третий Майдан не неизбежным, но вполне возможным, если под третьим Майданом иметь в виду приход к власти мелко- или хотя бы среднебуржуазной партии. Повторю: то, что Тимошенко «газовая принцесса» – неважно. Важно, кто пойдет за ней. В общем, ещё более радикально тот же тренд демонстрирует Савченко. Хотя они могут десять раз ещё поменять свои взгляды, как это бывало и в других революциях. Но мы говорим о нынешнем соотношении сил.

И так же как, с моей точки зрения, оппозиционным левым в России надо поддерживать партию Яблоко как партию мелкой буржуазии, так и в Украине надо поддерживать БЮТ как такую же (или даже в большей степени) партию буржуазной левой, прекрасно понимая, что они могут кинуть пролетариат в любой момент, а также учитывая их склонность к пусть умеренному, но национализму.

Маркс писал, что, пока у пролетариата нет своей партии, он должен (или, по крайней мере, для него это вполне допустимо) поддерживать наиболее радикальную буржуазную партию. Потому что, достигая своих интересов, она даёт возможность пролетариату также прийти к власти. Но

украинцы не должны успокаиваться на этом, а создавать собственно пролетарскую партию, может быть из СДПУ О. Скоморощенко или из остатков СПУ, или из Автономного Опира – время покажет.

В России, я надеюсь, основой для партии станет СДС. Но при этом мы должны понимать общие законы революций, действовать согласно им. И видеть, что мы находимся в последнем акте великой исторической драмы буржуазных революций, где-то в середине мировой пролетарской. Последняя, правда, на постсоветском пространстве часто принимает форму комедии, но хочется верить, что это болезнь роста.